

«ЗОННАК»

и его гости

Литературная
страница

Татьяна Каминная

РАЗГОВОР С СУДЬБОЙ

Я судьбе своей посмотрю в глаза
И спрошу ее: «Как прожить без бед!»,
И подумаю, что могла бы сказать
На вопрос такой мне судьба в ответ:
«Ты на мелочи не растрчивай
Золотой запас, что душа хранит.
На Земле живешь ты не начерно —
Там, где света нет, зажигай огни.
Ты надеждою утешай людей,
Светом радости путь их озаряй,
Добротой озаябше души грей.
Ты поймешь потом — это все не зря.
Идеальных нет, в каждом есть изъян.
И характеры так подобраны:
Кто-то глуп и зол, кто-то вечно пьян.
Относись ко всем ты по-доброму.
Если вдруг тобой овладеет гнев,
Пониманием пламя укроти,
А не то соришь в этом злом огне,
Лишь зола останется на пути.
Здесь нужны любовь, а не скорый суд.
Мысли светлые, а не грустные.
Словно два крыла над бедой несут
Сострадание и сочувствие.
Осуждением ты других не жги,
Самой себя научись прощать.
И друзьями станут твои враги.
Ну, а дружбы дар — это благодать!»...
Постарайся жить, как велит судьба,
Видеть в людях свет, то есть лучшее.
Буду мир хранить (не нужна борьба),
Верю, справлюсь я, все получится.

x x x

Под тяжестью осенней позолоты
На землю листья падают шурша.
От этого, быть может, у кого-то
Печально наполняется душа.
Как жаль, что жизнь безропотно роняет
За днями дни, как листья старый клен.
Не поменяйся с кем-нибудь ролями,
Когда сценарий predetermined.
Так встречи редки в пору увядания,
А души словно прачутся в плащах.
И если даже скажешь: «До свиданья!»,
В ответ услышишь тихое: «Прощай».
Нам кажется, любви уже не будет.
Мы в зиму погружаемся, как в сон.
Но вскоре что-то нас опять разбудит.
Наверное, капли перезвон.
И, запах земли вдыхая жадно,
Когда все чувства вновь обострены,
Об осени не вспомни беспощадной,
Отдавшись милосердию весны.

Александр Пузырев

Дорогу осилит
идуший

Порою жизнь с тобою шутит странно:
Ты на ходу спотыкаешься, упадешь.
Но, сидя в луже, плакать ты не станешь,
А встанешь, отряхнешься и пойдешь.

Мешает жить порою суета,
Судьбою продиктован путь наш сущий.
Но как бы ни была она крута —
Осилит ту дорогу лишь идущий.

Вот так и я: вперед иду по жизни,
От боли стиснув зубы на ходу.
Я полностью отдал свой долг Отчизне
И, пусть хромя, все-таки иду.

Признаюсь: мне бывает одиноко
И грусть одолевает иногда.
Пусть жизнь была ко мне порой жестока...
Мужчиной я остался навсегда.

Андрей Тернов

ГОТОВ ЛИ?

Все сказано, обещано —
За словом будет дело!
Но между ними трещина
Взялась — и закричало...

Но дело — не безделица,
И надо потому
Спросить себя, примериться,
Готов ли ты к нему!

ЗАВЯЛЕННЫЕ

Ставят врачи, психологи,
Припарки, примочки, уколы нам.
Привить хотят что-то «правильное».
Ведь подлости мы уступили
Готовы — и жалобно ныть!
Много не надо завяленным:

Обрести обреченность,
Утолять утомленность
Заплом страсти, безвкусию, бесплатно.
Строптивость ли укрощать!
Кротость ли раскрепощать!
И то, и другое, наверное, надо.

Только как бы делать такое:
Лечить одно, не калеча другое!!

Анатолий
Щавелин-Елисеев

Ревнуйте о дарах духовных

Среди суеты, наветов злыхобных
Стремитесь людям благо дать.
Ревнуйте о дарах духовных,
Да снизойдет к вам благодать.

Когда же тьма так безысходна
И кажется, просвета нет,
Ревнуйте о дарах духовных,
Да озарит вас горний свет.

Когда душа светла, свободна
И хочется весь мир обнять,
Ревнуйте о дарах духовных —
Вас не покинет благодать.

В государстве любви

К выходу одноименного сборника
А. Гришиной

Государство любви, нас к себе позови,
Расскажи, что же ты за держава,
Чтоб вселенская тайна пречистой любви
Благодаря в душе отразилась.

Государство любви не имеет границ,
И таможни там ставить не надо.
В государстве любви сердце тайны хранит,
А любовь выше всякой награды.

В государстве любви божьей милости свет,
Не подвластен ничьим он указам.
В государстве любви равнодушных путь нет —
Пусть туда им навеки награда.

В государстве любви, где охранников нет,
Мы когда-то с тобой повстречались,
В государстве любви обвенчал нас рассвет
Чистым светом надежды и печали.

В государстве любви есть весны перезвон
И веселого грома раскаты,
В государстве любви есть пустынный перрон
С тем жемящим осенним закатом.

В государстве любви, в государстве любви,
Где любовь выше всякой награды...

Юрий Воронин

МАРТ

Я хочу, чтобы март
Теплым был и зеленым.
Не придет та пора —
Он уйдет побежденным.
Как подбитый пилот,
Где-то врежется в весны,
Утром дождик прольет
На холодные сосны.
Вместе с дымок коистра
Он очнется апрелем.
Как потеря остра —
Мы его пожалеем.
От зимы к теплым дням,
Словно мостик надежды,
Он бежит по ручьям
И срывает одежды!

РОМАНС

Уберечься бы от причуды,
Что весною зовет за порог!
Не простуды страшны — пересуды,
Что я снова у ваших ног!

Пусть не молод, не моден, не ладен
И осанкой совсем не дюж,
Пусть атлетом для всех перекаднен
Будет ваш достославный муж.

Остается глазами издали
Безответно любить и ждать.
Не пойму, как вы сердцем вызнали
На челе моем эту печать.

Не слушаюся при встрече, не кланяюсь,
Не пишу стихотворных строк...
А живу себе тихо и радуюсь,
Что навеки у ваших ног.

Анатолий
ПлотниковРУССКИЙ
КАМPEHP
a
c
k
a
z

— Ну, наконец-то, — вздохнул Антон Плотников, — наконец-то в Москве сообщают, что пора год восточно-славянской объявить годом русского языка!

Антон Иванович случайно услышал эту информацию как «Маяку» за полчаса до выступления Жириновского, который, захлебываясь, объявлял россиянам, что нечего кормить Лукашенко, что белорусам необходим новый президент, что... Плотников так заразился словами депутата Госдумы, что чуть ли не воскликнул: «Подумай, батько Лукашенко, чей хлеб жуешь, чье пиво пьешь?»

Правда, писательская этика, а надо сказать, что Плотников считал себя русским писателем уличного масштаба, не позволила ему полностью процитировать стихи своего друга Егора Полянского, посвященные Евгению Евтушенко, но натолкнула кумира деревенских старух на мысль написать рассказ в защиту русской речи.

Антон был уверен, что все мировые катаклизмы начинаются в эпицентре переговорного процесса, который, как сказал первый и последний Президент СССР, в восторге работавший в колхозе прицепщиком, а в конце своей карьеры решивший стать журналистом-международником, начал свое бесполезное шествие по странам Библейского Вавилона... «Остановить этот катастрофический процесс, — размышлял Плотников, — можно лишь при безупречном знании языков, в частности, родного, русского языка...»

А почему бы ему, Антону Ивановичу, не написать на эту архиважную тему злободневный рассказ, не поддержать классическую русскую литературу? «Ну какой же русский писатель откажется от этой мысли?» — произнес Плотников и сел за стол, отодвинув в сторону пиалу из китайского фарфора с остывшим цейлонским чаем.

Первый, хрустящий, как пятьдесятая банкнота, лист сам нашел свое место в американской пишущей машинке, избобретенной гениальным Марком Твенном, и Плотников довольно улыбнулся: «Давненько я не шевелил мозгами!»

Он почувствовал, как в его мозги призывно застучали, словно капли весеннего дождя, клавиши вдохновения, но музыки почему-то не услышал, а ведь был готов к ее бравурному звучанию: уши были на макушке и рот открыт, но в душе была моргильная тишина.

«Сгорел, мужик!» — упрекнул себя. — Это тебе не частушки сочинять про своего начальника. На расказах ломали не только перья, но и головы такие писатели, как О Генри, Мигель де Унамуну, Чехов, а ты хотел стать рядом с ними! Потрудись, браток!»

Антон скрутил самокрутку из моршанского самосада. Заварил грузинского. Пе-

Кирилл Емельин

Невольница

Она его невольница,
И он приходит к ней
В тот час, когда бессонница
Толчется у дверей.

Как только солнце скроется
И ночь проникнет в дом,
Настырная бессонница
Скребется под окном.

Он бродит за околицей.
Грозит вернуться в дом.
С развязною бессонницей
Загрызает он.

Слышны их стоны страстные.
Страшны их голоса.
Но смотрят безучастные
Святые образа.

Невольница без памяти,
Белее полотна,
Как нищенка на паперти,
Вдруг села у окна.

Едва к нему притронулась
Слабеющей рукой,
Как комната наполнилась
Туманом и тоской.

Исчез туман тоскующий,
И бледный господин
С улыбкой торжествующей
Шагнул из-за гардины.

ред глазами замелькали действующие лица. Отдельные фразы, слова, жесты. Совсем маленькие, как игольчатые острей, детали прошедших событий. Неожиданно укололи слова Льва Николаевича: «Стыдно сочинять про какого-нибудь Ивана Ивановича!»

«Просто позорно! — радостно подхватил Плотников. — И потом, — рассуждал он после грузинского «яда», — почему я должен контролировать, кто как чирикает? Вон Буш только приземлится в Европе, только еще на трапе качнет ручкой в перчатке, и весь евросоюз перед ним на цирлах — всем все ясно! Умные люди понимают друг друга молча, не раскрывая рта...»

А когда на сайте в собственной голове Антон Иванович прочел слова бессмертного Паскаля из «Писем к провинциалу», словно Паскаль писал лично ему, что только ханская задуманность, мы уясним, с чего следовало начинать, Плотников совсем сошел с ума от восторга, Правда, ум вскоре оказался на месте, а восторг сменился безысходной тоской по деревенской гармошке и заливистым голосам девчат, распевающих о своей провинциальной жизни.

Однажды к Антону завалились его москвичские друзья и почтили частушки.

— Это не частушки! — произнес бывший одноклассник Игорь Шаповал.

— Если не частушки, тогда скажи, что это?

Игорь покачал уже седой головой, сокрушенно произнес:

— Нам же профессор Архипов говорил, что такие четверостишия, выражающие законченную мысль, есть катрены! А твои частушки выражают не только законченную мысль, но и мысль, в которой основывается человеческое существование.

Игорь храпя прочитал: Понятно, по какому делу Твердим друг другу мы века: «Своя рубашка ближе к телу, Не говоря уж о портках!»

Друзья, хлебнув сельской самогонки, на последней электричке убрался вояжис, а Плотников, разомлев от дружеской похвалы, до утра напевал: «Своя рубашка ближе к телу, не говоря уж о портках», — и каждый раз после последнего слова охотостенно ладонями лупил себя по тому месту, по которому шлепала его мать...

И вот сегодня, послушав выступление Жириновского, Антон Плотников пришел к убеждению, что его «русский катрен» не чета французскому четверостишию и деревенской частушке, затерявшейся вместе с гармошкой в далекие годы его юности, когда его соседка хвастило пела: «Я не кум, не кума! Я из техникума».